

ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В ГОРОДЕ-МИЛЛИОННИКЕ: АНАЛИЗ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Софья Юрьевна Шарыпова¹
Анастасия Сергеевна Шляпина²

^{1,2}Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия,

¹sonia.eliseeva@bk.ru,
ORCID 0000-0003-3519-8531

²shlyapina.psu@mail.ru,
ORCID 0000-0002-5398-2891

Для цитирования: Шарыпова С. Ю., Шляпина А. С. Личная безопасность молодёжи в городе-миллионнике: анализ поведенческих моделей // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 35–52. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.2. EDN VSROBH.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена социальным запросом на анализ поведенческих предпочтений молодёжи в сфере личной безопасности в городах-миллионниках для обоснования целесообразности включения этого аспекта в государственные программы. Эмпирической базой исследования являются данные формализованного опроса, проведённого в 2025 году среди молодых людей в возрасте 18–35 лет, проживающих в Перми, Нижнем Новгороде и Новосибирске. Установлено, что молодёжь обладает умеренно высоким субъективным уровнем защищённости и собственных возможностей противостоять угрозам. На основе факторного анализа выявлены 8 поведенческих моделей обеспечения личной безопасности, которые типологизированы в три группы: 1) проактивные модели с проявлением личных усилий и ответственности в обеспечении собственной безопасности – в этой группе 59% респондентов; 2) адаптивные модели с ориентацией на внешние системы, т. е. передача ответственности за обеспечение своей безопасности другим субъектам рискогенного пространства – 62% респондентов; 3) пассивные модели, подразумевающие избегание или игнорирование угроз в своём восприятии – 45% респондентов. Выявлено, что у молодёжи, участвовавшей в опросе, есть набор универсальных мер защиты, связанных с контролем физической среды, которые реализуются даже при игнорировании других правил. Кроме этого, молодые люди активно сочетают модели: игнорирование угроз в личном восприятии усиливается за счёт перекалывания ответственности по обеспечению безопасности на социальные институты. Установлено, что пассивные модели хоть и обуславливают повышенное чувство безопасности, но это ощущение скорее иллюзорное. Опора респондентов на социальные механизмы свидетельствует

о наличии запроса на усиление внимания и роли социальных институтов и общественности в сфере безопасности молодёжи современных крупных городов. Имеются различия в зависимости от пола и уровня образования: женщины и респонденты с высшим образованием склонны использовать более широкий набор мер защиты, у мужчин он значительно уже. Полученные результаты позволяют обосновать необходимость пересмотра государственного подхода к формированию культуры безопасности молодёжи, уделяя внимание социально-демографическим особенностям, иллюзорным установкам и интеграции социального капитала в механизмы защиты.

Ключевые слова: личная безопасность, субъективная оценка, самоэффективность, поведенческие модели, молодёжь, города-миллионники

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00480 «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности» (сайт фонда: <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>).

Введение и постановка проблемы

На сегодняшний день вопросы обеспечения безопасности здоровья и жизни граждан являются приоритетными для развития и поддержания социально-экономического потенциала различных государств. В этом контексте особую значимость приобретает безопасность молодёжи. Данная социальная группа является уязвимой не только из-за нестабильного положения в обществе молодых людей [1], но и по причине их недостаточного внимания к вопросам личной безопасности [2], склонности к рискогенному поведению, усиливающейся за счёт веры в собственную неуязвимость [3]. Ситуация осложняется для молодого поколения, проживающего в городах-миллионниках, где динамичная, сложная и социально многообразная городская среда увеличивает количество рисков и угроз [4]. Данные ВЦИОМ за 2024 год подтверждают, что в большей опасности себя ощущают жители городов-миллионников¹.

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ², защита граждан от различных внешних угроз является задачей государства и социальных институтов. Однако такой подход ставит индивида в позицию объекта, игнорируя субъективную природу личной безопасности [5], которая, вопреки государственным механизмам, выступает основным регулятором поведения человека, в частности – в вопросах сохранения жизни и здоровья [6].

Исследование субъективной природы безопасности базируется на теории социального конструирования [7], где личная безопасность – это состояние (чувство) защищённости от внешних угроз, обусловленное индивидуальными восприятиями и потребностями [8]. В этом случае состояние защищённости

¹ Улицы без опасности // ВЦИОМ: сайт. 12.07.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti> (дата обращения: 03.05.2025).

² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400 // Президент России: сайт. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 03.05.2025).

является результатом поведенческих установок и практик индивида, инициированных субъективными оценками внешних факторов как опасных или угрожающих [9] и собственных возможностей противостоять им (теория самооэффективности А. Бандуры) [10]. Эта концептуальная рамка личной безопасности послужила основанием для реализации эмпирического исследования в контексте самосохранительного поведения молодёжи.

Обзор литературы позволил прояснить, что российская молодёжь, несмотря на обозначенную выше уязвимость, ощущает себя в менее безопасном положении в сравнении с другими социально-демографическими группами [11]. Скорее всего, данное ощущение относится к состоянию «здесь и сейчас», так как в отношении будущего молодёжь выражает неуверенность в вопросах безопасности, обусловленную в большей степени дисфункциональностью социальных институтов, которые призваны обеспечивать защиту граждан [12]. Результаты зарубежных исследований подтверждают, что молодёжь склонна перекладывать ответственность за собственную безопасность на других субъектов рискованного пространства [13]. Также неадекватно завышенное чувство безопасности среди представителей молодого поколения может быть связано с переоценкой своих личностных качеств и способностей в этой сфере [14].

В отечественном исследовании 2011 года выявлено, что российская молодёжь в основном показывает недостаточную подготовленность к безопасному поведению, что выражается в дефиците знаний и ограниченном опыте в данной сфере [15]. Вторичный анализ данных ФОМ за 2019 год подтверждает устойчивую тенденцию к игнорированию мер безопасности среди молодёжи: при ответе на вопрос «Вы лично стараетесь как-то обезопасить себя?» основная доля (68%) опрошенных в возрасте 18–30 лет выбирает вариант «не стараюсь, специально ничего не делаю»¹. Подобная позиция доминирует даже в контексте защиты от преступлений и террористических угроз², где осознанность, казалось бы, должна быть выше. Это указывает на системный характер проблемы в формировании культуры безопасности среди молодёжи. Возможно, указанная проблема связана с тем, что меры по обеспечению безопасности воспринимаются молодыми людьми как абстрактные рекомендации, а повседневные практики по сохранению жизни и здоровья осуществляются интуитивно/ситуативно [15], то есть они необъяснимы с позиции теории рационального выбора. Результаты исследований подтверждают необходимость изучения проблемы личной безопасности через призму повседневных поведенческих установок и практик по сохранению здоровья и жизни.

Цель исследования – выявить актуальные поведенческие модели обеспечения личной безопасности молодёжи из городов-миллионников и установить их взаимосвязь с субъективной оценкой состояния защищённости и собственных возможностей противостоять угрозам.

¹ Чувство безопасности // ФОМ: сайт. 18.11.2019. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14291> (дата обращения: 03.05.2025).

² Терроризм и безопасность // ФОМ: сайт. 15.12.2020. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14517> (дата обращения: 03.05.2025).

Материалы и методы

Эмпирическое исследование поведенческих моделей обеспечения личной безопасности молодёжи являлось частью проекта «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности»¹, в рамках которого в апреле-марте 2025 г. был проведён формализованный опрос населения городов-миллионников РФ. В качестве генеральной совокупности выступили жители в возрасте 18 лет и старше из 13 городов РФ с численностью населения 1 млн человек и более (не включены Москва, в силу своей социально-экономической специфики, Ростов-на-Дону и Краснодар – в силу значительного влияния геополитической ситуации на восприятие рисков и выбор самосохранительных стратегий). Выборочная совокупность исследования формировалась с помощью двухступенчатого отбора: на первом этапе осуществлялся отбор территорий для проведения опроса, на втором – отбор респондентов на основании половозрастных квот. В качестве территорий проведения опроса выбраны три города-миллионника – 1) Новосибирск (как репрезентирующий города Сибири и Дальнего Востока и входящий в первую треть городов РФ по численности населения); 2) Нижний Новгород (как репрезентирующий города центральной России и входящий во вторую треть городов РФ по численности населения); 3) Пермь (как репрезентирующая города Урала и входящая в последнюю треть городов РФ по численности населения). На втором этапе осуществлялся набор респондентов методом ривер-сэмплинг (ссылка на опросник, размещённый на платформе Questionstar.ru, распространялась через социальные сети и мессенджеры). После наполнения всех котируемых групп было осуществлено приведение выборочной совокупности в соответствие с половозрастной структурой генеральной совокупности методом случайного исключения респондентов без учёта территории проживания. Общий объём выборки – 1 762 человека. Далее для целей конкретного исследования, данные которого анализируются в статье, из общего массива была сформирована подвыборка молодёжи, соответствующая законодательным возрастным критериям² (нижняя возрастная граница смещена до 18 лет, так как участие лиц младшего возраста в опросе исключалось). Объём анализируемой выборки составил 564 человека в возрасте от 18 до 35 лет (32% общей выборки, что соответствует доле данной группы в генеральной совокупности). Структура выборочной совокупности представлена в таблице 1.

Выделенные в таблице 1 социально-демографические характеристики с незначительной долей погрешности (до 5%) отражают не только половозрастную структуру генеральной совокупности (население от 18 до 35 лет 13 городов-миллионников РФ), но и социальную структуру молодёжи РФ в целом. Так, доля

¹ Авторы статьи являются исполнителями проекта.

² Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. 2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 03.05.2025).

Таблица 1

Структура анализируемой выборочной совокупности

Показатель		Количество, чел.	Доля, %
Пол	Мужчины	214	38
	Женщины	350	62
Уровень образования	Общее среднее	126	22
	Среднее профессиональное и незаконченное высшее	192	34
	Высшее	246	44
Статус занятости	Работают по найму	236	42
	Работают «на себя» (ИП, самозанятый, фрилансер)	72	13
	Студент дневного отделения	213	38
	Не учатся и не работают*	39	7

*Примечание: сумма опрошенных по статусу занятости указана за минусом четырёх респондентов, не давших ответа

обучающихся на дневном отделении среди молодёжи близка к статистическим данным по стране (около 40%)¹. Распределение молодёжи по уровню образования в выборке почти соответствует общероссийскому: общее среднее – 24% от всех молодых людей, среднее профессиональное – 36%, высшее – 40%². Незначительное смещение выборки не оказывает существенного влияния на достоверность результатов. Для минимизации искажений в анализе были учтены ключевые социально-демографические параметры, что позволяет считать полученные выводы репрезентативными в рамках исследовательских задач.

Поведенческие модели обеспечения личной безопасности выстраивались на основе оценок молодёжи соответствия или несоответствия предложенных утверждений их поведенческим практикам и установкам в сфере личной безопасности. Респонденты не ограничивались в количестве выборов суждений, полный список которых представлен в таблице 2. Субъективная оценка личной безопасности (состояния защищённости) формировалась за счёт ответов респондентов на вопрос: «Можно ли сказать, что Вы себя чувствуете в полной безопасности?» Для оценки самооэффективности молодёжи в данной сфере, то есть их уверенности в способности противостоять угрозам, использовались утверждения, требующие выражения степени согласия: «Оцените высказывания: Я считаю, что мои действия могут значительно повысить мою личную безопасность; Я уверен(а), что могу защитить себя и своих близких в случае необходимости», демонстрирующее осознание личной роли и веры в собственные

¹ Труд и занятость в России. 2023 : Стат. сб. М. : Росстат, 2023. 180 с.

² Образование в цифрах 2023 : краткий стат. сб. / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.

силы в обеспечении безопасности своей и близких. Ответы фиксировались по 5-балльной интервальной шкале, где 1 соответствовал минимальному ощущению или уровню согласия, а 5 – максимальному. Согласованность переменных проверена с помощью коэффициента альфа Кронбаха = 0,7.

Для обработки и анализа данных использовалась программа SPSS Statistics. В качестве методов анализа применялись дескриптивная статистика, сравнение средних, корреляционный анализ и расчёт отношения шансов. Кроме этого, с целью углубления анализа были задействованы методы многомерного анализа (факторный, кластерный и регрессионный анализ).

Результаты и дискуссия

Поведенческие установки и практики в сфере личной безопасности.

К основным практикам обеспечения личной безопасности опрошенной в ходе исследования молодёжи можно отнести социально приемлемое поведение (89% стараются быть доброжелательными и вежливыми со всеми и 70% избегают конфликтов и споров) и социальную настороженность (более 80% отметили, что всегда закрывают двери и окна в своём доме и никогда не откроют дверь незнакомцу). При этом 40% респондентов пренебрегают правилами не ходить в одиночку в тёмное время суток и избегать опасных районов, учитывая, что средства для самообороны (газовый баллончик, электрошокер и т. д.) имеют менее 20% опрошенных. И всё же женщины почти в 2 раза чаще избегают опасных районов (OR = 2,228 с 95% ДИ 1,573–3,157¹) и закрывают двери на все замки, даже если выходят ненадолго (OR = 1,791 с 95% ДИ 1,185–2,705). Примечательно, что практика «избегание опасных районов» также зависит от уровня образования (ρ -Спирмена = 0,170, при $p < 0,001$): молодые люди с высшим образованием демонстрируют бóльшую склонность к избеганию. Здесь стоит пояснить, что оценка угроз часто сопряжена с субъективной оценкой риска, которая включает в себя не только оценку тяжести последствий реализации какого-либо фактора, но и вероятность реализации [16]. Возможно, молодёжь недооценивает факторы риска, предполагая низкую вероятность возникновения каких-либо угроз, что приводит к игнорированию профилактических мер безопасности, особенно со стороны мужчин.

Касаясь установок в отношении обеспечения личной безопасности, участвовавшая в опросе молодёжь считает, что важно: а) быть бдительным и осторожным, чтобы избежать опасности (82% опрошенных); б) иметь позитивный настрой, т. е. не думать о неприятностях (70%); в) уметь общаться, так как это помогает избежать многих проблем (68%). И только половина опрошенных разделяет мнение о том, что соблюдение законов является гарантией безопасности. Также важно отметить, что основная доля молодёжи в вопросах безопасности всё же ориентируется на свою самооценку, а не надеется

¹ Здесь и далее означает: OR – Odds Ratio, отношение шансов; ДИ – доверительный интервал, в котором с вероятностью 95% находится истинное значение OR.

на везение. В ходе корреляционного анализа было установлено, что мужчины примерно в 2 раза реже проявляют социальную настороженность, чем женщины ($OR = 0,558$ с 95% ДИ 0,370–0,844). Вероятно, это связано с переоценкой своих возможностей в сфере обеспечения безопасности или стереотипами о маскулинности. Других значимых корреляций практик и установок с социально-демографическими характеристиками обнаружено не было, т. е. полученные выводы характерны для опрошенной молодёжи в целом.

Поведенческие модели обеспечения личной безопасности. Указанные выше практики и установки послужили основой разведочного факторного анализа с использованием метода главных компонент и вращения Варимакс для выявления и описания моделей поведения в сфере безопасности на выборке российской молодёжи городов-миллионников. Пригодность полученных в результате анализа данных подтверждается значением меры адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (0,754), а значимость критерия сферичности Бартлетта ($p < 0,001$) свидетельствует о весомых корреляциях между переменными. Все показатели, за исключением «избегаю опасных районов», продемонстрировали достаточные факторные нагрузки без перекрёстных связей (см. табл. 2).

Таблица 2

*Поведенческие модели обеспечения личной безопасности,
 результаты факторного анализа*

Модели	Суждения, соответствующие поведенческим установкам и практикам в сфере обеспечения личной безопасности	Факторная нагрузка	Объяснительная дисперсия фактора, %
а) Контроль социальных взаимодействий	Я стараюсь избегать конфликтов и споров	0,525	14,5
	Я верю в то, что важно быть бдительным и осторожным, чтобы избежать опасности	0,623	
	Я считаю, что моё умение общаться помогает избежать многих проблем	0,697	
б) Контроль физической среды	Я всегда закрываю дверь на все замки, даже если выхожу ненадолго	0,732	7,5
	Я никогда не открою дверь незнакомцу, не спросив, кто он	0,504	
	Избегаю опасных районов	0,372	
в) Использование специальных средств и знаний	Установил(а) сигнализацию в квартире/доме	0,581	5,8
	Имею средства самообороны (газовый баллончик, электрошокер и т. д.)	0,662	
	Я стараюсь знать номера телефонов экстренных служб наизусть	0,475	
	Избегаю опасных районов	-0,352	

продолжение таблицы 2

Модели	Суждения, соответствующие поведенческим установкам и практикам в сфере обеспечения личной безопасности	Факторная нагрузка	Объяснительная дисперсия фактора, %
г) Позитивное мышление	Я редко задумываюсь о плохом, предпочитаю наслаждаться жизнью	0,619	7,5
	Я считаю, что всё будет хорошо, зачем думать о плохом	0,809	
	Я предпочитаю не думать о неприятностях, это помогает мне	0,787	
д) Осведомлённость с институциональной зависимостью	Я обычно доверяю полиции и другим правоохранительным органам	0,684	7,3
	Внимательно слежу за новостями о преступности в своём районе	0,446	
	Я стараюсь быть в курсе новостей о происшествиях в моём городе/районе	0,597	
	Я считаю, что соблюдение мною законов – лучшая гарантия безопасности	0,680	
е) Фаталистическое отношение к своей безопасности	В конечном итоге от меня мало что зависит, когда дело касается защиты от преступности	0,698	5,5
	В трудной ситуации я скорее надеюсь на везение, чем на чью-то помощь	0,744	
ж) Социальная вовлечённость	Я стараюсь не ходить в одиночку в тёмное время суток	0,754	6,2
	Я сообщаю близким, куда иду и когда планирую вернуться	0,718	
з) Соблюдение социально-правовых норм	Соблюдаю правила дорожного движения	0,596	5,8
	Я стараюсь поддерживать хорошие отношения с соседями	0,594	
	Я стараюсь быть доброжелательным и вежливым со всеми	0,676	

В результате факторного анализа (см. табл. 2) были определены 8 поведенческих моделей обеспечения личной безопасности: а) контроль социальных взаимодействий; б) контроль физической среды; в) использование специальных средств и знаний для защиты от внешних угроз; г) позитивное мышление (избегание угроз в своём восприятии); д) осведомлённость с институциональной зависимостью (перекалывание ответственности за обеспечение безопасности на социальные институты); е) фаталистическое отношение к своей безопасности (вера в предопределённость и неконтролируемость угроз); ж) социальная вовлечённость; з) соблюдение социально-правовых норм. Индикаторы внутри

каждой модели показывают удовлетворительную согласованность (значение Альфа Кромбаха составляет от 0,5 до 0,7). Примечательно, что переменная «избегаю опасных районов» относительно модели В – «Использование специальных средств и знаний» – имеет обратную связь. Это можно трактовать так: респонденты, реализующие эту модель поведения, определяют свой район проживания как опасный, принимают это как данность, поэтому используют различные средства защиты.

Рис. 1. Распространённость поведенческих моделей обеспечения личной безопасности российской молодёжью, проживающей в Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми, 2025 г., %¹

Распространённость поведенческих моделей обеспечения личной безопасности российской молодёжью представлена на рисунке 1. Подавляющая часть молодых людей предпочитает для сохранения жизни и здоровья от внешних угроз соблюдать социально-правовые нормы (79%) и контролировать физическую среду (75%). Меньше всего (32%) верят в предопределённость и неконтролируемость угроз. В целом полученные данные говорят о том, что представители молодого поколения готовы брать на себя ответственность и предпринимать различные действия в сфере обеспечения личной безопасности. Данный вывод укладывается в теорию У. Бека, где самостоятельность становится важным вектором в условиях «общества риска», когда коллективные действия и социальные институты не успевают оперативно реагировать на современные вызовы и перестраиваться в соответствии с ними [17].

Типология поведенческих моделей обеспечения личной безопасности.

Указанные модели были распределены в три типологические группы (см. рис. 2).

Первая группа – это проактивные модели с проявлением личных усилий и ответственности в обеспечении собственной безопасности. Вторая группа – адаптивные модели с ориентацией на внешние системы, т. е. передача ответственности за обеспечение своей безопасности другим субъектам рискогенного пространства. Третью группу составляют пассивные модели, подразумевающие избегание или игнорирование угроз в своём восприятии. Содержательно последняя группа хорошо раскрывается в теории пассивной

¹ Вопрос давал возможность выбора нескольких ответов.

Группы моделей	Проактивная	Адаптивная	Пассивная
Локус контроля	Внутренний	Внешний «субъектный»	Внешний «внесубъектный»
Модели поведения	Контроль социальных взаимодействий	Осведомленность с институциональной зависимостью	Позитивное мышление
	Контроль физической среды	Социальная вовлеченность	Фаталистическое отношение к своей безопасности
	Использование специальных средств и знаний	Соблюдение социально-правовых норм	
	59%	62%	48%

Рис. 2. Типология поведенческих моделей обеспечения личной безопасности и их распространённость среди молодёжи городов Новосибирска, Нижнего Новгорода, Перми, 2025 г., %

адаптации Е. В. Шлыковой [18]. Данные группы можно ранжировать в зависимости от локуса контроля индивида в вопросах обеспечения безопасности. Первая группа – это демонстрация внутреннего локуса контроля, вторая группа – внешнего «субъектного», третья – внешнего «внесубъектного», что появляется в ответ на дефицит доверия к социальным институтам и осознание неконтролируемости угроз. Это приводит к отсутствию веры в способность управлять рисками и угрозами и, как следствие, к отказу от возложения ответственности в вопросах безопасности на каких-либо субъектов [19].

Несмотря на осознание личной роли в обеспечении собственной безопасности, адаптивные модели с ориентацией на внешние системы оказались среди молодёжи самыми распространёнными (см. рис. 2). Опора на другие субъекты в вопросах безопасности у молодых людей, с одной стороны, может помогать им компенсировать недостаток личных ресурсов и снижать нагрузку ответственности за принятие решений в этой сфере. Такое объяснение является близким к идее социального капитала, которая описывает значимость социальных связей для получения различных ресурсов в разных сферах жизнедеятельности [20]. С другой стороны, ориентация на внешние системы в вопросах сохранения жизни и здоровья может быть показателем восприятия безопасности в сознании молодёжи как «совместного проекта», а не индивидуальных решений.

Субъективные оценки состояния защищённости и самооффективности в сфере обеспечения личной безопасности. В результате исследования

было установлено, что молодёжь, проживающая в российских городах-миллионниках Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми, демонстрирует умеренно высокое субъективное состояние защищённости и собственных возможностей противостоять угрозам (см. табл. 3). На основании результатов применения критерия равенства дисперсий Ливиня ($p < 0,05$) можно говорить о статистически значимых различиях в средних значениях у мужчин и женщин. Мужчины дают более высокие оценки относительно своей безопасности и самоэффективности в данной сфере. Также образованность респондента коррелирует с уверенностью в собственных силах противостоять угрозам (ρ -Спирмена = $-0,161$, при $p < 0,001$). Наблюдается тенденция к снижению уверенности по мере повышения уровня образования.

Таблица 3

Субъективные оценки молодыми мужчинами и женщинами состояния защищённости и самоэффективности в сфере личной безопасности в городах Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми, 2025 г., средние значения

Оценки		Эмпирический индикатор	Всего	Муж.	Жен.
1. Субъективная оценка безопасности		Чувствуют себя в полной безопасности	3,46	3,62	3,36
2. Самоэффективность в сфере личной безопасности	2.1. Осознание личной роли	Считают, что их действия могут значительно повысить личную безопасность	3,87	4,12	3,71
	2.2. Вера в собственные силы	Уверены, что могут защитить себя и своих близких в случае необходимости	3,35	3,64	3,17

Взаимосвязь субъективных оценок защищённости и самоэффективности с поведенческими моделями обеспечения личной безопасности. Для изучения того, как выявленные модели «сочетаются» между собой в реальном поведении опрошенных молодых горожан для защиты от различных угроз и связаны с субъективными оценками защищённости и самоэффективности в сфере личной безопасности, был проведён иерархический кластерный анализ методом Уорда. В результате анализа было выделено 7 социальных «типов» личной безопасности с прогностической способностью в 78%, которая подтверждена дискриминантным анализом. На основе данных можно заметить интересные закономерности. Во-первых, в сознании молодёжи фиксируется группа «обязательных» практик, которые реализуются при любом типе личной безопасности и устойчиво коррелируют с высоким уровнем самоэффективности молодёжи в этой сфере, – это контроль физической среды, а именно: закрытие дверей на замки и знание телефонов экстренных служб.

Во-вторых, в различных типах личной безопасности высокая самооценка безопасности и эффективности в этой сфере сопровождается социальной

вовлечённостью и нормативным поведением. Молодые люди, которым это не свойственно (самая маленькая по объёму группа – 40 чел.), в большей степени склонны к рискованным действиям: они готовы открывать двери незнакомцам, не избегают опасных зон и конфликтов. Возможно, низкая социальная включённость ведёт к ограниченности различных ресурсов, поэтому данная группа плохо информирована о потенциальных угрозах.

В-третьих, две самые многочисленные группы (133 и 118 чел.) реализуют совершенно противоположные типы безопасности. Первая группа проявляет внутренний локус контроля и делает упор на обеспечение безопасности с помощью собственных усилий – управление социальными отношениями и физическим пространством. Вторая группа сочетает пассивную адаптацию с опорой на социальные институты (в частности – правоохранительные органы) в вопросах сохранения жизни и здоровья. Поведение второй группы в отношении обеспечения личной безопасности может быть следствием двух причин. Первая причина – это патернализм со стороны государства, который усиливает экстернальный локус контроля в вопросах безопасности [21], в том числе и для молодёжи. Вторая причина – это отголоски концепции «иллюзии неуязвимости» [22]. Другие исследования в этой области [23] показывают, что для обеспечения безопасности молодым людям достаточно психологической устойчивости (сохранение спокойствия и внимательности) перед угрозами, без практических мер защиты, которые опять же, по мнению опрошенной молодёжи, обязаны реализовывать другие субъекты.

На основе сравнения средних значений через критерий равенства дисперсий Ливиня при $p < 0,05$ установлено, что пассивное поведение молодёжи во второй группе приводит к более выраженному ощущению безопасности и самоэффективности, нежели активные действия. Однако данные в приближении дают основания говорить о том, что ощущение безопасности и модели поведения указанных выше двух групп имеют двухстороннюю (симметричную) связь: субъективная оценка безопасности «усиливает» поведение, которое, в свою очередь, повышает само ощущение безопасности (d -Сомерса = 0,2 при $p < 0,001$). Рассматривая эту закономерность через регрессионный анализ пошаговым методом, обнаруживается, что при схожих обстоятельствах ощущение безопасности будет выше у тех, кто реализует проактивные модели по сохранению жизни и здоровья (4,074 против 3,804). Это позволяет предположить, что надежда на социальные институты в вопросах обеспечения безопасности в сочетании с позитивным мышлением может создавать иллюзорное чувство защищённости, которое не всегда соответствует реальным рискам.

Заключение

Анализ результатов проведённого исследования позволяет утверждать, что молодёжь, проживающая в российских городах-миллионниках Новосибирске, Нижнем Новгороде и Перми, демонстрирует умеренно высокий уровень

ощущения безопасности и уверенности в своей способности защитить себя, несмотря на высокие риски городского пространства. Среди различных моделей поведения в сфере безопасности респонденты предпочитают адаптивные модели с ориентацией на поддержку внешних систем. Проактивные модели, которые сильнее обуславливают ощущение безопасности, проявляются в меньшей степени: молодые люди игнорируют даже базовые меры предосторожности, например – ходят в одиночку в тёмное время суток без средств самообороны. Также часть респондентов – молодых горожан, вошедших в выборку городов-миллионников – реализует пассивные модели, хотя они лишь создают иллюзию безопасности. Определены различия в зависимости от пола и уровня образования. Мужчины демонстрируют более высокую субъективную оценку безопасности, хотя реже прибегают к реализации мер предосторожности. Более образованные молодые люди лучше анализируют риски, что снижает иллюзию контроля и, соответственно, повышает осознание уязвимости. Поиск причин безопасного и небезопасного поведения молодёжи может служить основой для дальнейших исследований в этой области.

Предложенный авторами статьи подход к измерению состояния личной безопасности и способов её обеспечения показывает достаточно высокую объяснительную способность и практическую значимость. В рамках данного подхода была предпринята попытка преодоления традиционного противопоставления субъективных и объективных аспектов личной безопасности, показана связь субъективных оценок и поведения индивида в этой сфере в зависимости от этой оценки.

Результаты исследования могут оказаться полезными для разработки механизмов обеспечения личной безопасности молодёжи, особенно в условиях повышенных рисков в городах-миллионниках. Стоит развивать у молодого поколения активные модели поведения в сфере безопасности, т. е. обучать базовым правилам и навыкам безопасности, использованию специальных средств защиты. Полученные данные позволяют утверждать, что эффективными мерами могут оказаться укрепление институтов гражданского общества и поощрение государством сотрудничества в вопросах безопасности, а не только упор на индивидуальные действия молодых людей. Кроме этого, рекомендуется в образовательных учреждениях внедрять занятия по оценке вероятности угроз и управлению рисками, корректирующие «пассивные» установки молодёжи в сфере обеспечения безопасности и развенчивающие миф о «неуязвимости» молодых людей в крупных городах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Дашкин И. И.* Социодинамика положения молодёжи в обществе риска // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3. С. 48–52. DOI [10.24158/spp.2019.3.6](https://doi.org/10.24158/spp.2019.3.6). EDN ZAQUIH.
2. *Vilchez M., Trujillo F.* The Perception of Security and Youth: A Practical Example // Social Sciences. 2023. Vol. 12, № 4. P. 227. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0760/12/4/227> (дата обращения: 04.06.2025).

3. *Milić M., Vlačić R., Križanić V.* Perception of invulnerability, engaging in risky behaviors and life satisfaction among high school students // *Kriminologija & socijalna integracija*. 2019. № 2. P. 177–203. DOI [10.31299/ksi.27.2.2](https://doi.org/10.31299/ksi.27.2.2).
4. Шлыкова Е. В. Социальное настроение молодёжи в условиях повседневных рисков мегаполиса // *Россия реформирующаяся* : ежегодник. 2017. № 15. С. 395–418. EDN [ZFBEFJ](https://edn.ras.ru/ZFBEFJ).
5. Шлыкова Е. В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24, № 3. С. 56–75. DOI [10.19181/socjour.2018.24.3.5993](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993). EDN [MAKRVJ](https://edn.ras.ru/MAKRVJ).
6. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Персональные концепции безопасности студентов-юристов // *Психология и право*. 2023. Т. 13, № 3. С. 108–118. DOI [10.17759/psylaw.2023130308](https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130308). EDN [VBQFRQ](https://edn.ras.ru/VBQFRQ).
7. *Blazsin H., Guldenmund F.* The social construction of safety: Comparing three realities // *Safety Science*. 2015. Vol. 71. P. 16–27. DOI [10.1016/j.ssci.2014.06.001](https://doi.org/10.1016/j.ssci.2014.06.001).
8. Зинченко Н. И. Личная безопасность как объект социологического анализа // *Социологические исследования*. 2007. № 2 (274). С. 137–140. EDN [HYUQXJ](https://edn.ras.ru/HYUQXJ).
9. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and culture. An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1982.
10. *Bandura A.* Exercise of personal and collective efficacy in changing societies // *Self-efficacy in changing societies* / A. Bandura (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 1–45.
11. Веркеев А. М. Неравенство в восприятии (у)личной безопасности в России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021. Т. 24, № 3. С. 169–192. DOI [10.31119/jssa.2021.24.3.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.8). EDN [LATCOP](https://edn.ras.ru/LATCOP).
12. Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Социальная безопасность студенческой молодёжи как субъективное восприятие рисков // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8, № 4. С. 57–70. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6). EDN [NVBYMM](https://edn.ras.ru/NVBYMM).
13. Young people's leisure and safety: an international perspective / M. Banhidi, M. Shahzeidi, M. J. Malema [et al.] // *International leisure review*. 2020. № 9 (1). P. 48–65. DOI [10.6298/ILR.202006_9\(1\).0003](https://doi.org/10.6298/ILR.202006_9(1).0003).
14. *Khairova S. I.* Social competence as the basis for safe behavior of adolescents // Conference: International Scientific Congress «KNOWLEDGE, MAN AND CIVILIZATION». 2021. P. 744–754. DOI [10.15405/epsbs.2021.05.102](https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.102).
15. Сорокина Л. А. О состоянии готовности подростков к безопасному поведению в повседневной жизни // *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2011. № 3. С. 70–74. EDN [NUINRD](https://edn.ras.ru/NUINRD).
16. *Luria P., Perkins C., Lyons M.* Health risk perception and environmental problems: findings from ten case studies in the North west of England. Liverpool, 2009. 70 p.
17. Усманов Г. Р. Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ // *Вестник экономики, права и социологии*. 2024. № 2. С. 247–250. EDN [TGACCF](https://edn.ras.ru/TGACCF).
18. Шлыкова Е. В. Отношение к риску как дифференцирующий фактор выбора способа вынужденной адаптации // *Спутник ежегодника «Россия реформирующаяся»*. 2016. № 2. С. 1–15. EDN [WBYCWN](https://edn.ras.ru/WBYCWN).
19. *Chien P. M., Sharifpour M., Ritchie B. W., Watson B.* Travelers' Health Risk Perceptions and Protective Behavior: A Psychological Approach // *Journal of Travel Research*. 2017. Vol. 56, № 6. P. 744–759. DOI [10.1177/0047287516665479](https://doi.org/10.1177/0047287516665479).
20. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм ; пер. с англ. А. Захарова. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.

21. Шабунова А. Здоровьесбережение: баланс ответственности государства и личности // Оздоровление городской среды. 2022. № 1. С. 96–101. DOI [10.24412/cl-37030-2022-1-96-101](https://doi.org/10.24412/cl-37030-2022-1-96-101).
22. Harris A. J., Hahn U. Unrealistic optimism about future life events: a cautionary note // Psychological Review. 2011. Vol. 118, № 1. P. 135–154. DOI [10.1037/a0020997](https://doi.org/10.1037/a0020997).
23. Краснянская Т. М., Тылец В. Г., Ляхов А. В. Психологические корреляты бытовых практик безопасности молодёжи // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 1. е18. EDN [ORPJJO](https://orcid.org/0000-0000-0000-0000).

Сведения об авторах

С. Ю. Шарыпова

кандидат социологических наук,
доцент, научный сотрудник
SPIN-код: [4286-7557](https://orcid.org/0000-0000-0000-0000)

А. С. Шляпина

ассистент, научный сотрудник
SPIN-код: [2221-8878](https://orcid.org/0000-0000-0000-0000)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.2)

PERSONAL SAFETY OF YOUNG PEOPLE IN A MILLION-PLUS CITY: ANALYSIS OF BEHAVIORAL PATTERNS

Sofya Yurievna Sharypova¹

Anastasiya Sergeevna Shlyapina²

^{1, 2} Perm State National Research University,
Perm, Russia,

¹ sonia.eliseeva@bk.ru,

ORCID [0000-0003-3519-8531](https://orcid.org/0000-0003-3519-8531)

² shlyapina.psu@mail.ru,

ORCID [0000-0002-5398-2891](https://orcid.org/0000-0002-5398-2891)

For citation: Sharypova S. Yu., Shlyapina A. S. Personal safety of young people in a million-plus city: analysis of behavioral patterns. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):35–52. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.2).

Abstract. The relevance of the study is due to the social demand for the analysis of behavioral preferences of young people in the field of personal safety in cities with a population of over one million in order to justify the feasibility of including this aspect in government programs. The empirical basis of the study is the data of a formalized survey conducted in 2025 among young people aged 18–35 living in Perm, Nizhny Novgorod and Novosibirsk. It was found that

young people have a moderately high subjective level of security and their own capabilities to resist threats. Based on the factor analysis, 8 behavioral models of ensuring personal security were identified, which were typologized into three groups: 1) proactive models with the manifestation of personal efforts and responsibility in ensuring their own safety – 59% of respondents in this group; 2) adaptive models with a focus on external systems, i. e. transfer of responsibility for ensuring their safety to other subjects of the risky space – 62% of respondents; 3) passive models, implying avoidance or ignoring threats in their perception – 45% of respondents. It was revealed that young people have a set of universal protective measures related to control of the physical environment, which are implemented even when ignoring other rules. In addition, young people actively combine models: ignoring threats in personal perception is enhanced by shifting responsibility for ensuring security to social institutions. It was found that passive models, although they determine an increased sense of security, but this feeling is rather illusory. Reliance of young people on social mechanisms indicates a demand for increased attention and the role of social institutions and the public in the field of youth safety in modern large cities. There are differences depending on gender and level of education: women and respondents with higher education tend to use a wider range of protective measures, while men have a much narrower set. The obtained results allow us to substantiate the need to revise the state approach to the formation of a culture of youth safety, paying attention to socio-demographic characteristics, illusory attitudes and the integration of social capital into protection mechanisms.

Keywords: personal safety, subjective assessment, self-efficacy, behavioral models, youth, million-plus cities

Acknowledgements: the current research was performed under the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) grant No. 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>.

REFERENCES

1. Dashkin I. I. Sociodynamics of the situation of youth in a risk society. *Society: sociology, psychology, pedagogy=Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*. 2019;(3):48–52. (In Russ). DOI [10.24158/spp.2019.3.6](https://doi.org/10.24158/spp.2019.3.6).
2. Vílchez M., Trujillo F. The perception of security and youth: a practical example. *Social Sciences*. 2023;12(4):e227. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-0760/12/4/227> (accessed: 04.06.2025).
3. Milić M., Vljčić R., Križanić V. Perception of invulnerability, engaging in risky behaviors and life satisfaction among high school students. *Kriminologija & socijalna integracija*. 2019;(2):177–203. DOI [10.31299/ksi.27.2.2](https://doi.org/10.31299/ksi.27.2.2).
4. Shlykova E. V. Social mood of young people in the conditions of everyday risks of a metropolis. *Russia in transition=Rossiia reformiruyushhayasya: ezhegodnik*. 2017;(15):395–418. (In Russ.).
5. Shlykova E. V. Subjective assessment of personal safety as an indicator of adaptation to a risky environment. *Sociological Journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2018;(3):56–75. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2018.24.3.5993](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993).
6. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Personal security concepts of law students. *Psychology and Law=Psixologiya i parvo*. 2023;13(3):108–118. (In Russ.). DOI [10.17759/psylaw.2023130308](https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130308).

7. Blazsin H., Guldenmund F. The social construction of safety: comparing three realities. *Safety Science*. 2015;71:16–27. DOI [10.1016/j.ssci.2014.06.001](https://doi.org/10.1016/j.ssci.2014.06.001).
8. Zinchenko N. I. Personal security as an object of sociological analysis [Lichnaya bezopasnost' kak ob'ekt sociologicheskogo analiza]. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2007;2(274):137–140. (In Russ.).
9. Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture. An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley and Los Angeles: University of California Press; 1982.
10. Bandura A. Exercise of personal and collective efficacy in changing societies. In: A. Bandura (ed.) *Self-efficacy in changing societies*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. P. 1–45.
11. Verkeev A. M. Inequality in the perception of (u)street safety in Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2021;24(3):169–192. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2021.24.3.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.8).
12. Didkovskaya Ya. V., Vishnevskij Yu. R., Zyrjanova O. B. Social security of student youth as a subjective perception of risks. *Research Result. Sociology and management=Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. 2022;8(4):57–70. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6).
13. Banhidi M., Shahzeidi M., Malema M. J. [et al.]. Young people's leisure and safety: an international perspective, *International leisure review*. 2020;9(1):48–65. DOI [10.6298/ILR.202006_9\(1\).0003](https://doi.org/10.6298/ILR.202006_9(1).0003).
14. Khairova S. I. Social competence as the basis for safe behavior of adolescents. In: Conference: International scientific congress “Knowledge, man and civilization”. 2021. P. 744–754. DOI [10.15405/epsbs.2021.05.102](https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.102).
15. Sorokina L. A. On the state of readiness of adolescents for safe behavior in everyday life. *Innovative projects and programs in education=Innovacionny'e proekty' i programmy' v obrazovanii*. 2021;(3):70–74. (In Russ.).
16. Luria P., Perkins C., Lyons M. Health risk perception and environmental problems: findings from ten case studies in the North west of England. Liverpool, 2009. 70 p.
17. Usmanov G. R. The concept of Ulrich Beck's “risk society”: a theoretical analysis. *Bulletin of Economics, Law and Sociology=Vestnik e'konomiki, prava i sociologii*. 2024;(2):247–250. (In Russ.).
18. Shlykova E. V. Attitude to risk as a differentiating factor in choosing the method of forced adaptation. *Satellite of the Russia in transition=Sputnik ezhegodnika “Rossiya reformiruyushayasya”*. 2016;(4):1–15. (In Russ.).
19. Chien P. M., Sharifpour M., Ritchie B. W., Watson B. Travelers' health risk perceptions and protective behavior: a psychological approach. *Journal of Travel Research*. 2017;56(6):744–759. DOI [10.1177/0047287516665479](https://doi.org/10.1177/0047287516665479).
20. Putnam R. To make democracy work. Civic traditions in modern Italy [Chtoby' demokratiya srabotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii]. Ed. by A. Zakharov. Moscow: Ad Marginem, 1996. 287 p. (In Russ.).
21. Shabunova A. Health protection: balance of responsibility of the state and the individual. *Improving the urban environment=Ozdorovlenie gorodskoj sredy'*. 2022;(1):96–101. (In Russ.). DOI [10.24412/cl-37030-2022-1-96-101](https://doi.org/10.24412/cl-37030-2022-1-96-101).
22. Harris A. J., Hahn U. Unrealistic optimism about future life events: a cautionary note. *Psychological Review*. 2011;118(1):135–154. DOI [10.1037/a0020997](https://doi.org/10.1037/a0020997).
23. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G., Lyakhov A. V. Psychological correlates of everyday youth safety practices. *World of Science. Pedagogy and Psychology=Mir nauki. Pedagogika i psixologiya*. 2022;10(1):1–12. (In Russ.).

Information about the Authors

S. Yu. Sharypova

Candidate of Sociology,
Associate Professor, Research Associate
Scopus Author ID: **57207856816**

A. S. Shlyapina

Assistant, Research Associate

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 04.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.